

МАРАТ ВАЛЕЕВ

Записки газетчика

Марат Валеев
Записки газетчика

«Издательские решения»

Валеев М. Х.

Записки газетчика / М. Х. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964735-1

«Надеюсь, что мои простодушные, но достаточно откровенные „Заметки газетчика“ найдут доброжелательный отклик в сердцах читателей и дадут им некоторое (все же надеюсь — верное) представление о профессии провинциального газетчика, живущего и работающего порой в таких отдаленных уголках нашей необъятной Родины, куда столичные журналисты не всегда могут добраться».

ISBN 978-5-44-964735-1

© Валеев М. Х.

© Издательские решения

Содержание

Записки газетчика	6
От автора	6
Первая публикация	7
Старик Державцев нас заметил...	10
Калиновский	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Записки газетчика

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2019

ISBN 978-5-4496-4735-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки газетчика

От автора

Из своих 67 лет почти 40 я посвятил работе в журналистике, причем на самых передовых ее рубежах, в провинциальной печати. В моей биографии это были две районных, областная и окружная (впрочем, не так давно также ставшая районной) газеты. Они наиболее приближены к своему читателю, и местный газетчик обычно сам живет среди героев своих публикаций. Он настоящий местный летописец.

Вот таким летописцем я и был 38 с половиной лет всей своей газетной практики. Прихвастну – меня куда чаще все же хвалили, чем критиковали. И благодарили порой очень своеобразно. В восьмидесятые годы я был собкором областной газеты в Казахстане. Сажу дома, пишу очередную статью для «Звезды Прииртышья». И вдруг звонок в дверь. Открываю – стоят два парня, держат на весу какой-то тяжелый мешок.

– Марат Валеев здесь живет?

– Да, а что?

– Это ему.

Затаскивают мешок в прихожую, кладут его на пол, и быстро уходят. – Стойте! – кричу. – Что это, от кого? Но парней уже и след простыл. Разворачиваю мешок – а там... говяжья нога.

Стал звонить туда, где я был за последние пару недель: в двух совхозах и на мясокомбинате и написал оттуда крепкие проблемные статьи. – Ваша, – спрашиваю. – нога? Никто не признается. Так и съел эту анонимную ногу. Не в милицию же сдавать?

А уже когда в Эвенкии работал – благодарные читатели могли прямо в редакцию ягод или свежей рыбки занести. И брал, и ел. Потому что понимал – это все искренне, от сердца.

У меня есть разные награды за творчество – как на поприще журналистики, так и литературные, поскольку все эти годы я еще и предавался сочинительству юморесок и рассказов. Они печатались в журналах «Шмель», «Чаян», «Семья и школа», «День и ночь», «Колесо смеха», «Вокруг смеха», «Мир севера», газетах «Литературная газета», «Красноярский рабочий», «Литературный Красноярск», «Завалинка», «Нескучная газета», «Флирт», «Золотое кольцо» и др.), опубликованы в ряде сборников. Но вот те бесхитростные знаки читательской благодарности, о которых сказал выше, я считаю своими самыми высокими наградами.

Надеюсь, что мои простодушные, но достаточно откровенные «Заметки газетчика» найдут доброжелательный отклик в сердцах читателей и дадут им некоторое (все же надеюсь – верное) представление о профессии провинциального газетчика, живущего и работающего порой в таких отдаленных уголках нашей необъятной Родины, куда столичные журналисты не всегда могут добраться.

Марат Валеев,

член Союза журналистов СССР,

член Союза журналистов РФ,

член Союза российских писателей.

Первая публикация

Отслужив в стройбате, я в 1971 году вернулся домой в Павлодарскую область, в бывшую прииртышскую казачью станицу Пятерыжск, ставшую затем казахстанским колхозом «Красный Октябрь», а еще позже – четвертым отделением совхоза «Железинский». Отдохнул пару недель, болтаться без дела дольше не хотелось. Специальность у меня была, устроился в тракторную бригаду электросварщиком. Днем – работа, вечером – кино, танцы в сельском клубе, незамысловатые приключения и похождения, обычные для такого возраста. Но что-то во мне изменилось. Я все больше и больше хотел писать. Еще в школьные годы участвовал в стенной печати, мои сочинения нередко признавали лучшими. В армии, грешным делом, писал (за «гонорары» – пайку масла, банку стущенки, пачку сигарет и т.д.) душераздирающие письма подругам солдат, которые они затем переписывали своим почерком и за которые девчонки влюблялись в них по уши. И у меня тогда возникали проблемы: парни буквально преследовали меня, требуя, умоляя о продолжении переписки с их подругами.

Мои родители выписывали районную газету «Ленинское знамя», скучноватое такое издание. Время от времени на ее страницах появлялись рассказы, стихи местных авторов, прочитав которые, я не без основания думал: «Господи, да ведь так-то и я могу написать! Даже получше...»

Однажды с двумя пятерыжцами произошла занятная история. Мучимые похмельем, они с раннего утра разжились парой рублей, и пошли за самогонкой по всем известному в селе адресу. Хозяева только легли: они всю ночь перед новогодними праздниками варили зелье и себе на потребу, и, так сказать, на реализацию. Долго не хотели открывать. В конце концов, сжалились. На протянутые им трясущейся рукой два мятых рубля налили страждущим еще теплого вонючего самогона в бутылку. Приятели поспешили домой. Но поскольку теплый самогон – прекрасное рвотное средство, а умирающие с похмелья мужики не могли себе этого позволить, каждая капля спиртного для них сейчас была как живая вода, они решили остудить самогонку. Взяли и сунули бутылку в снег. Произошло то, что и должно было произойти. Мужики отказывались верить своим ушам и глазам, когда услышали легкий треск лопнувшей бутылки и увидели начавший таять снег в том месте, куда вылилась самогонка. Реакция пьяниц была мгновенной: не сговариваясь, они опустили на коленки и горстями стали запихивать в пересохшие рты вонючую снежную кашу... И потом сами же всем рассказывали эту историю. Я же не придумал ничего лучшего, как написать юмореску на этот сюжет и отправить ее в районку. Ответ из Железинки пришел через месяц. Некий В. Циммерман (себя он называл литературным сотрудником) в пух и прах разносил первое мое творение. Правда, признавал все же наличие у меня «определенных способностей». И я решил не сдаваться.

Еще до моего ухода в армию учудили мой младший братишка (ему тогда было лет десять) Рашид и отец. Как-то Рашид пришел домой с десятком тускло-золотых карасей за пазухой. Батя мой был заядлый рыбак и сразу спросил брата, где и как он наловил таких красавцев. Рашид шмыгнул носом и сообщил, что это он с соседом Ванькой Рассохой намутил в Кругленькой ямке (озерцо такое пойменное). Для непосвященных поясню, что значит «намутить». В небольшой водоем – как правило, ложбину в пойме, в которой после весеннего половодья остается рыба, когда Иртыш возвращается в свои берега, – залазят несколько человек, и ну давай вздымать ногами донный ил. Через некоторое время задыхающаяся рыба высовывается из воды, чтобы глотнуть свежего воздуха, людей посмотреть, себя показать. Вот тут-то не зевай, знай, хватай ее и выкидывай на берег. Сам я так никогда не ловил рыбу и не видел, как это делается. Но рассказывали.

– А ну, сынок, пошли! – воодушевленно сказал отец, хватая ведро. – Сейчас мы карасиков-то натаскаем.

– Папка, я устал, и живот чего-то болит, – заныл братишка.

– Пошли-пошли, покажешь, в каком месте мутить надо!

Отец не любил, когда ему возражали. А тут его еще охватил азарт. И Рашиду ничего не оставалось делать, как подчиниться. Они долго прыгали и ползали по Кругленькой ямке, пока вся вода в озере не стала коричневой. На поверхность всплыли пара дохлых лягушек да возмущенные жуки-плавунцы, водоросли. Карасей же не было. До отца начало что-то доходить.

– Сынок, – сказал он ласково. – Скажи, где взяли карасей, и тебе ничего не будет.

Рашид выбежал подальше на берег, на всякий случай заревел и признался, что карасей они с Ванькой натрусили из чужого вентера (вентиля, как говорят в Пятерыжске) и совсем на другом озере. А правду сказать он забоялся.

– Засранец! – сплюнул ряской отец и захохотал. Так его еще никто не проводил.

Я вспомнил эту историю и написал еще одну юмореску. Отослал в газету. Ждал долго. Но ни ответа, ни публикации в районке не было. Уже успокоился – не признают, и не надо! – как в один из июльских жарких дней 1972 года на четвертой странице «Ленинского знамени» увидел свою подпись под юмореской «Карасятник». Рассказ был здорово подправлен, наполовину сокращен. Но в нем оставались целыми – слово в слово – несколько моих предложений и даже пара абзацев. Значит, могу писать! Такого чувства восторга, радости я больше никогда не испытывал!

А вскоре пришло и письмо из редакции. Ответственный секретарь Л. П. Кишкунов (позже его перевели редактором районной газеты «Вперед» в Экибастуз и я у него проработал шесть лет. Уже когда я из Казахстана уехал, экибастузскую районку «Вперед» закрыли. А несколько лет назад пришло горькое известие: Кишкунов погиб в дорожной аварии) очень тепло приветствовал меня, разбирая по косточкам мое творение. И предложил попробовать себя в качестве селькора. То есть, пояснял он, рассказы мои время от времени печатать будут. Но газете нужны материалы о живой жизни села: о сенокосе, о жатве, о работе доярок, зарисовки о людях. Я согласился.

Это оказалось куда сложнее и скучнее, чем писать юморески. Одно дело, когда сидишь и сочиняешь рассказы (куда «кривая», то есть собственная фантазия вывезет), и совсем другое – писать, что называется, «за жизнь». Врать нельзя, ошибаться тоже нежелательно, потому что герои твоих газетных шедевров живут рядом с тобой, в буквальном смысле этого слова, и покритиковать тебя могут прямо в глаза, а то и в глаз. Первый свой публицистический опус (с анонсом на первой полосе: «Очерк рабочего М. Валеева «За романтикой ехать далеко не надо» его напечатали практически без задержки) я посвятил сверстникам, вернувшимся из армии и оставшимся жить и работать в родном селе. К этой публикации я отнесся уже более спокойно, чем к первой, но все равно был горд и счастлив. Газету с очерком прихватил с собой на работу, на полевой стан. Она мне жгла карман, однако никто в бригаде и словом не обмолвился о моей публикации. «Видно, еще не читали» – решил я. В обеденный перерыв первым ушел из столовки в вагончик, где механизаторы обычно отдыхали: забивали «козла», читали свежую прессу, просто валялись на жестких лавках и полках. Еще никого не было, я быстренько развернул районку и положил ее на стол так, чтобы материал с моей подписью сразу бросался в глаза. А сам скромненько уселся в сторонке и закурил.

Первым в вагончик зашел тракторист дядя Саша Горн. Я затаил дыхание и стал отстраненно смотреть в маленькое оконце, о треснувшее стекло которого с громким жужжанием бились мухи. Дядя Саша с кряхтением уместил свое грузное туловище за столом, подтянул к себе газету и... шмякнул – прямо на мой очерк! – жирного подвяленного леща.

– Подвигайся ближе, – доброжелательно сказал дядя Саша. – Посолнцуемся...

А с коротких толстых пальцев его, которыми он плотоядно раздирал рыбину, на газету стекал янтарный жир, под которым расплывалась моя подпись.

Обида спазмом сжала мне горло.

– Спасибо, не хочу! – кукарекнул я и выкатился из вагончика. Да, слава – она приходит не сразу...

А в сентябре того же года я получил официальное приглашение на штатную работу в «Ленинском знамени».

Старик Державцев нас заметил...

Осенью 1972 года я, тогда двадцатиднолетний электросварщик тракторной бригады четвертого отделения совхоза «Железинский», а по совместительству и начинающий селькор «Ленинского знамени», получил письмо от ответсекретаря этой газеты Леонида Павловича Кишкунова с предложением посетить редакцию для собеседования. Как раз закончилась уборка, зарядили дожди, мне в бригаде делать было нечего, и я отпросился у бригадира для поездки в Железинку. Мама снабдила меня трояком, я поймал на трассе Павлодар-Омск попутку и уже через полчаса вышагивал по вымытому дождями, пахнущему мокрыми тополями и кленами райцентру. Расспрашивая редких прохожих, где находится редакция, дошел до обычного для Железинки беленого, крытого растрескавшимся шифером дома с палисадом, засаженным акациями и кленами. От других таких же домов этот отличался лишь стеклянной табличкой (бронзовая краска на черном фоне) с крупно выведенным названием газеты. Это была улица Квиткова. Из официальных учреждений на ней же тогда располагалась, по-моему, только районная почта.

Уняв сердцебиение (увы, даже пройдя службу в таких бесшабашных войсках, как стройбат, я продолжал оставаться хотя и вспыльчивым, но довольно застенчивым человеком), поднялся на невысокое крыльцо, еще раз набрал в себя побольше воздуха и толкнул грубо выкрашенную коричневой краской дверь. Так я вошел в районную журналистику.

Сразу в прихожей увидел стол с пишущей машинкой, клавишами которой трещала милотвидная шатенка (это была секретарь-машинистка Гильда Айхлер, по мужу – Тырсина, которая потом за восемь лет перепечатала груды моих «опусов»). Она вопросительно посмотрела на меня.

– У меня вот письмо, – сказал я и полез в карман пиджака. – Мне бы с редактором поговорить.

– Александр Сергеевич, – не вставая с места, негромко сказала секретарша мелодичным голосом в находящуюся сбоку от нее открытую дверь. – Тут к вам молодой человек. С письмом.

– Пусть заходит, – также негромко сказал кто-то из глубины кабинета.

У меня неожиданно пересохло в горле (признаюсь – не только от волнения: накануне в бригаде хорошо отметили завершение уборки).

– Попить можно? – проскрипел я, увидев на столе графин с водой. Не дождавсь разрешения, набулькал полный стакан воды и поставил графин на самый край стола. Графин упал на пол и со страшным звоном разлетелся на множество осколков, расплескав при этом воду на пол, мне на ботинки и Гильде – на ее изящные туфельки. Перепугавшись, я резко поставил стакан на место, и он тоже упал на пол и покатился, дробно дринькая своими стеклянными гранями. На деревянных ногах я под изумленным взглядом секретарши шагнул в редакторский кабинет. Державцев на шум даже бровью не повел.

– Я из Питера... то есть, Пятерыжска, – представился я. – Вы еще напечатали мою юмореску «Карасятник», две заметки и очерк. И вот товарищ Кишкунов прислал такое письмо, – я опять стал судорожно шарить по карманам.

– А, Марат! Ну, здравствуй, – просто сказал Александр Сергеевич, как будто знал меня сто лет, привстал и протянул через стол руку. Это был невысокий мужчина средних лет с внимательными серо-голубыми глазами и проседью в темных волосах, с лицом крупной лепки.

– Садись. Вот что, парень, ты нам нравишься. Хочешь поработать в газете?

Я онемел. Для меня пределом мечтаний казалось то, что меня напечатали в газете. А тут еще и зовут в нее работать (откуда мне тогда было знать, что штаты в районных газетах преимущественно вот так и набираются, буквально с улицы – выпускники университетов в сельскую глушь ехать не хотели)!

– Но я ведь, это, без образования, – растерянно сказал я.

– Дело наживное, – ободряюще сказал Державцев. – Главное, у тебя есть способность к письму. И желание, так ведь?

Да уж, желания у меня писать было хоть отбавляй. Я вернулся в Пятерыжск как на крыльях, сообщил родным, что меня берут в газету. Отец отнесся к этому известию сдержанно, хотя и видно было, что доволен. Мама же сначала испугалась, потом обрадовалась, прослезилась и сказала с гордостью, что я весь в ее пра-пра-прадеда. О нем она рассказывала часто: мой дальний предок был грамотным по тем временам человеком, принимал участие в Отечественной войне 1812 года – был полковым писарем, и в родную татарскую деревушку Амзю «дембельнулся» в карете, набитой трофеями. Тоже мне, сравнила! Односельчане к тому, что я уйду работать в газету, отнеслись с любопытной настороженностью: «Надо же, еще недавно бегал по деревне босиком, а туда же. Ну-ну...» Управляющий отделением Г. П. Кутышев мое заявление об увольнении подписал без проволочек, директор совхоза Э. Т. Айхлер не возражал (это его дочь Гильда работала в редакции машинисткой), и уже второго октября 1972 года я вышел на работу в качестве штатного сотрудника газеты. Жил на квартире у матери нашего завклубом железинца Григория Витковского, с которым мы приятельствовали. В редакции тогда работали, кроме уже названного Кишкунова, очень сильный газетчик – заместитель редактора

Калиновский Владимир Мартынович, и мы: пришедшие сразу после школы дородная заведующая отделом писем Ольга Сущенко, корреспондент Геннадий Державцев, бывший шофер Владимир Рыжков и я, бывший сварщик. Такая «пестрота» в кадрах объяснялась элементарной нехваткой профессиональных журналистов. А чтобы газету было кому заполнять, редактор вынужден был брать в штат людей, имеющих хотя бы относительные способности в эпистолярном жанре, в лучшем случае – писавшие в школе недурные сочинения. Александр Сергеевич, сам в прошлом учитель, нередко обращался в школы при поиске кадров, отсюда – постоянное наличие в штатном расписании двух-трех вчерашних выпускников.

На снимке часть коллектива редакции «Ленинского знамени» середины 70-х годов (слева направо): корреспондент Юрий Маковенко, ответственный секретарь Виктор Катин, автор этих строк – завсельхозотделом, корреспондент Петр Поминов

Из-за школьной парты пересели за редакционные столы и работали со мной в разное время братья Державцевы Геннадий и Леонид, Ольга Сущенко, Петр Поминов (его старший брат Юрий, ныне редактор областной газеты «Звезда Прииртышья» работал здесь до моего прихода, Юрий Панфилов, Хасан Бахтияров, сын первого секретаря райкома партии Владимир Гегер... И ведь многие из них, попав в газету совершенно неожиданно для себя, успешно прижились в журналистике. А всех их, как и меня, приветил и благословил на трудную, но невероятно интересную работу редактор Александр Сергеевич Державцев, которого лично я никогда не забуду.

Калиновский

Как я уже говорил, в редакцию «Ленинского знамени» я был принят в начале октября 1972 года, а уже в ноябре того же года мне, двадцатидвухлетнему холостому парню, дали в Железинке благоустроенную двухкомнатную квартиру. Невиданное дело! А получилось так. Заместитель редактора Владимир Мартынович Калиновский, жилистый пожилой мужчина (хотя мне тогда все, кто был старше сорока, казались пожилыми) со спадающей на бугристый лоб светлой челкой, получил назначение на редакторство в только что образованную в Экибастузе объединенную газету «Вперед» (печатный орган одновременно горкома и райкома партии). Редактор Державцев велел мне оставить снимаемую на время квартиру, топтать со своими шмотками в двухэтажный каменный дом по улице Ленина с утра пораньше и сразу занимать квартиру Калиновского, как только он освободит ее.

– Это редакционная квартира, – сказал мне Александр Сергеевич. – Я ее никому не отдам, так что вселяйся, бумаги потом оформим. Но учти: прознают в райисполкоме, что ты один ее занимаешь, кого-нибудь подселят. Так что лучше бы тебе жениться. Есть кто на примете? Ну ладно, иди...

И на следующий день ранним ноябрьским утром, под обильным снегопадом, в желтом тусклом свете редких уличных фонарей я пробирался, аки тать, с позванивающей панцирной кроватной сеткой на спине и связанной в узел постелью к своему будущему постоянному жилью.

У подъезда Калиновского уже стоял грузовик с откинутым бортом кузова, куда споро-висто грузили замредакторские вещи сам Владимир Мартынович, ответсекретарь Кишкунов, тоже живущий в этом доме, сосредоточенный корреспондент Гена Державцев, он же сын редактора, и толстенький и жизнерадостный, с исходящей паром на легком морозце открытой волосятой грудью редакционный шофер Толя Загородный.

– Заноси свое барахло в дом и присоединяйся к нам, – приказал Калиновский. Я затащил в открытую настежь квартиру на втором этаже свою постель и успел отнести к машине то ли табуретку, то ли тазик – не помню, и погрузочные работы закончились. Мы еще покурили все вместе в пустой затоптанной квартире с повсюду рассыпанными газетами и журналами, и Калиновский отдал мне ключи:

– Ну, живи! – просто сказал он. И уехал в Экибастуз. Больше я его не видел.

А впервые я встретил Владимира Мартыновича, конечно же, в редакции. Но имя его мне было известно еще до того, как меня взяли сюда работать. Фамилия Калиновского стояла обычно под большими статьями, очерками, зарисовками, подаваемыми в газете отличной от других материалов версткой. Но его материалы отличались не только этим. Калиновский писал обо всем с большим знанием дела: животноводы признавали в нем грамотного зоотехника, полеводы – агронома, работники образовательных учреждений – педагога с большим стажем (вот здесь никто не ошибался – Владимир Мартынович имел педагогическое образование), а все вместе представляли за этими газетными строчками человека вдумчивого, неравнодушного, имеющего большой жизненный опыт, а главное – несомненный талант публициста. Я, когда читал материалы Калиновского, очень легко переносился в описываемые им места, события, проникался сочувствием или негодованием к героям его повествований – настолько велика была сила убеждения его письменного слова, которым Владимир Мартынович владел мастерски.

Этот человек, несомненно, стоял среди нашего небольшого редакционного коллектива особняком. Но сам никогда ничем не выделял себя. Был прост в общении, любил играть в шахматы, бильярд. Был у нас в редакции маленький такой, с металлическими шариками бильярд. Он стоял на веранде (на самом деле здание редакции было ни чем иным, как жилым домом,

хозяину которого, начальнику райсельхозуправления Нефедьеву, дали то ли особняк, то ли благоустроенную квартиру, а в его прежнем жилище затем вполне комфортно разместилась целая редакция) с окнами на улицу и с отдельным входом. И когда наш редактор Державцев уходил или уезжал на какие-то совещания в райком партии или райисполком, мы – замредактора Калиновский, ответсекретарь Кишкунов, корреспондент Геннадий Державцев и я (хотя все вместе мы в редакции бывали редко – обязательно кто-то был на выезде) бросали писанину и шли гонять шарики, металлический стук которых до сих пор стоит у меня в ушах. При этом все одним глазом посматривали через окно на улицу. И если видели подъезжающий белый «москвич» редактора или его самого, коренастого и в неизменной фетровой или соломенной шляпе, неспешно вышагивающего по пыльной, но тенистой железинской улице, густо засаженной по обочинам тополями и кленами (зимой на веранде никогда не играли – она не отапливалась), кто-то из нас сообщал: «Шеф идет». Мы спешно бросали кии и неслись к своим рабочим местам. Причем, первым улепетывал длинноногий и немного нескладный Калиновский. И так не вязалось это его трусливое бегство (мы-то ладно!) с его положением, ролью в газете, его фактурой, наконец, что я всегда с трудом удерживался от смеха. Но что было – то было. Мы все побаивались Александра Сергеевича: он мог так «вздрючить», никогда не повышая голоса, за опоздание, невыполнение нормы, прогул, что больше ничего подобного совершать не хотелось.

При всем том у Владимира Мартыновича перо, несомненно, было золотое. Его очерки, статьи охотно печатали областная «Звезда Прииртышья», не отказывались от них и республиканские газеты. И когда появилась нужда в редакторе для вновь открываемой в Экибастузе газеты, в облполиграфиздате выбор пал на Калиновского. Ему предстояло создать качественный печатный орган, подобрать для работы в нем способных журналистов. К тому времени Владимир Мартынович по праву считался одним из маститых газетчиков области, профессионалом высокого класса. И он таки оправдал доверие облполиграфиздата: создал хорошую газету («Вперед» приходила к нам по взаимному обмену, и мы в Железинке с удовольствием и гордостью перелистывали ее, читали: «это же наш Мартыныч ее сделал!»). Да, газету-то он сделал, но «сломался» сам – запил, попал в психоневрологический диспансер, стал инвалидом, в журналистике, естественно, работать уже не мог. Его забрал к себе брат, живущий в одном из совхозов Иртышского района. Однажды Владимир Мартынович Калиновский вышел из дома, в чем был, и больше его никто не видел. Как и не было человека. Но ведь это не так! Он был, и оставил в павлодарской журналистике заметный след, его помнят. А кто забыл о Калиновском – я напомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.